UDK: *821.512.133::821.161.1(045)*

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА АМИРА ТИМУРА В РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРАДИЦИЯХ

Dilfuza Pardayeva,

Filologiya fanlari doktori (DSc), dotsent,

Qarshi davlat universiteti

Rus tili va adabiyoti kafedrasi

E-mail: paradise.dil13@gmail.com

Tel: (91) 227-98-98

QIU professori, f.f.d. **B.Yo‘ldoshev** taqrizi asosida

Doi: https://doi.org/10.5281/zenodo.24096810

Аннотация. В статье рассматривается ранний этап художественного осмысления исторической личности Амира Тимура в узбекской и русской литературных традициях – устно-эпический и средневековый письменный. На материале произведений Алишера Навои, древнерусской «Повести о Темир Аксаке», а также узбекского фольклорного наследия (легенды и предания, записанные Х. Содиковым и другими собирателями) выявляются две принципиально различные типологические модели репрезентации образа. Узбекская традиция формирует «внутреннюю» модель, в рамках которой Тимур предстаёт избранным правителем, покровителем культуры и символом государственности; русская традиция вырабатывает «внешнюю» модель, где завоеватель осмысливается как угроза, орудие божественного испытания и «новый Батый». Методологической основой служат сравнительно-типологический и имагологический подходы, а также теория культурной памяти. Сопоставительный анализ показывает, что одни и те же биографические мотивы: хромота, юность, отношение к народу, получают в двух традициях диаметрально противоположную трактовку, отражая не столько различие исторической правды, сколько различие стратегий культурной памяти. Данные типологические расхождения носят системный характер и задают вектор дальнейшей эволюции образа в литературе последующих эпох.

Ключевые слова: Амир Тимур, узбекская литература, русская литература, «Повесть о Темир Аксаке», Алишер Навои, устно-эпическая традиция, культурная память, типология образа.

O‘ZBEK VA RUS ADABIY AN’ANALARIDA AMIR TEMUR OBRAZINING SHAKLLANISHI

Annotatsiya. Maqolada Amir Temur tarixiy shaxsi obrazining o‘zbek va rus adabiy an’analarida - og‘zaki-epik va o‘rta asr yozma bosqichlarida – badiiy talqin qilinishining dastlabki davri tahlil qilinadi. Alisher Navoiy asarlari, qadimgi rus «Temir Aqsak haqida qissa»si hamda o‘zbek folklor merosi (H. Sodiqov va boshqa to‘plovchilar yozib olgan rivoyat va afsonalar) misolida obrazni tasvirlashning ikki tubdan farqli tipologik modeli aniqlanadi. O‘zbek an’anasi «ichki» modelni shakllantiradi: unda Temur tanlangan hukmdor, madaniyat homiysi va davlatchilik ramzi sifatida

namoyon bo‘ladi; rus an’anasi esa «tashqi» modelni ishlab chiqadi: unda jahongir tahdid, ilohiy sinov quroli va «yangi Batuxon» sifatida talqin etiladi. Tadqiqot qiyosiy-tipologik va imagologik yondashuvlarga, shuningdek madaniy xotira nazariyasiga asoslanadi. Qiyosiy tahlil shuni ko‘rsatadiki, ayni bir biografik motivlar – oqsoqlik, yoshlik, xalqqa munosabat – ikki an’anada bir-biriga tamomila zid talqin oladi; bu esa tarixiy haqiqatning emas, balki madaniy xotira strategiyalarining farqini aks ettiradi. Ushbu tipologik tafovutlar tizimli xususiyatga ega bo‘lib, obrazning keyingi davrlar adabiyotidagi taraqqiyot yo‘nalishini belgilaydi.

Kalit so‘zlar: Amir Temur, o‘zbek adabiyoti, rus adabiyoti, «Temir Aqsak haqida qissa», Alisher Navoiy, og‘zaki-epik an’ana, madaniy xotira, obraz tipologiyasi.

THE FORMATION OF THE IMAGE OF AMIR TEMUR IN RUSSIAN AND UZBEK LITERARY TRADITIONS

Abstract. The article examines the early stage of the artistic interpretation of the historical figure of Amir Timur in the Uzbek and Russian literary traditions - the oral-epic and the medieval written stages. Drawing on the works of Alisher Navoi, the Old Russian Tale of Temir Aksak, and the Uzbek folklore heritage (legends and traditions recorded by H. Sodikov and other collectors), the study identifies two fundamentally different typological models of representing the image. The Uzbek tradition forms an “internal” model, in which Timur appears as a chosen ruler, a patron of culture, and a symbol of statehood; the Russian tradition develops an “external” model, in which the conqueror is understood as a threat, an instrument of divine trial, and a “new Batu”. The study rests on comparative-typological and imagological approaches and on the theory of cultural memory. The comparative analysis shows that the same biographical motifs – lameness, youth, attitude toward the people – receive diametrically opposed interpretations, reflecting not so much a difference in historical truth as a difference in strategies of cultural memory. These typological divergences are systemic in nature and set the vector for the further evolution of the image.

Key words: Amir Timur, Uzbek literature, Russian literature, The Tale of Temir Aksak, Alisher Navoi, oral-epic tradition, cultural memory, typology of the image.

Введение (Introduction)

Личность Амира Тимура принадлежит к числу исторических фигур, оказывающих долговременное влияние на формирование национального самосознания. Подобные образы входят в коллективную память народа через письменные источники, эпос, фольклор и художественную литературу, а каждая эпоха перечитывает их сквозь призму собственных вопросов. Именно на устно-эпическом и средневековом письменном этапах закладываются исходные модели художественного осмысления, которые затем воспроизводятся, трансформируются и переосмысляются на протяжении столетий.

Актуальность исследования обусловлена тем, что образ Амира Тимура в узбекской и русской литературах формировался в принципиально разных культурных перспективах: внутренней и внешней, и сопоставление этих перспектив до сих пор не получило системного типологического описания. Цель статьи – реконструировать обе исходные модели репрезентации образа и показать их не случайный, а системный характер, определивший дальнейшую эволюцию образа в литературе последующих эпох.

Методология исследования (Research Methodology)

Материалом исследования послужили средневековая письменная словесность (произведения Алишера Навои: «Мажолис ун-нафоис», «Тарих-и мулуки Аджам», «Хамса», «Мухокамат ул-луғатайн»), древнерусская «Повесть о Темир Аксаке» в редакциях, представленных в «Библиотеке литературы Древней Руси» и летописных сводах, а также узбекское устно-эпическое наследие, собранное и опубликованное Х. Содиковым и другими собирателями. Привлекается и позднейший материал, трилогия С. Бородина «Звёзды над Самаркандом», демонстрирующая устойчивость русского средневекового стереотипа.

Методологической основой работы стали сравнительно-типологический и имагологический подходы, а также теория культурной памяти. Сравнительно-типологический метод позволяет выявить устойчивые модели репрезентации образа и сопоставить трактовку одних и тех же биографических мотивов в двух традициях. Имагологический подход раскрывает механизм формирования образа «своего» и «чужого» правителя, обусловленный внутренней или внешней культурной перспективой наблюдателя. Концепция культурной памяти даёт основание рассматривать литературный образ Тимура не как отражение исторической правды, а как результат работы разных стратегий коллективного припоминания. Процедура анализа включала выделение ключевых мотивов (хромота, юность, характер власти, отношение к народу), их сопоставление в узбекской и русской традициях и интерпретацию выявленных расхождений.

Обсуждения и результаты (Results and Discussions)

Узбекская традиция: внутренняя модель восприятия

В средневековой письменной традиции узбекской культуры образ Амира Тимура формируется прежде всего в контексте представлений об идеальном правителе и покровителе духовной жизни. Выдающийся мыслитель и поэт XV века Алишер Навои неоднократно обращался к имени великого полководца, подчёркивая его значение как государя и покровителя тюркской культуры. В биографическом сборнике «Мажолис ун-нафоис» Навои отмечает вклад Тимура в развитие науки и поддержку талантливых людей [1]; в историческом труде «Тарих-и мулуки Аджам» - его военные достижения и административные реформы, благодаря которым государство обрело стабильность. В поэме из цикла «Хамса» Тимур представлен как пример мудрого и справедливого правителя [3], а в трактате «Мухокамат ул-луғатайн» Навои подчёркивает роль Тимура и его окружения в возвышении тюркского языка, использовавшегося при дворе наравне с персидским [2]. Уже в этой словесности закладываются темы, которые вновь обретут силу в поэзии XX–XXI веков: воля, духовная стойкость, ответственность перед народом и историей.

Наряду с письменной традицией важную роль сыграло народное творчество – легенды, дастаны и предания. Если письменные источники закрепляли официальную трактовку правителя-покровителя, то устная традиция насыщала образ живыми деталями, чудесными мотивами и нравоучительными сюжетами. Главным центром складывания подобных сюжетов стал Самарканд, где формировался образ Сахибкирана - «властителя четырёх сторон света». Особое место занимает сборник Хамдама Содикова «Амир Темур ҳаётидаги ғаройиботлар» («Чудеса в жизни Амира Тимура», 2007), где собран легендарно-мифологический материал о знамениях, связанных с жизненным путём Тимура [6]. Показателен сюжет о «двух солнцах», якобы поднявшихся над лагерем во время Анкарской битвы: народная фантазия наделяла Тимура ореолом избранности ещё до окончательного оформления исторического образа.

Характерна легенда «Мактабдорнинг башорати» («Предсказание учителя»). Мать будущего правителя, Такина бегим, замечает у сына редкую способность - он одинаково уверенно владеет обеими руками. Мулла Алибек толкует это как знак свыше: такой человек будет властвовать «от Востока до Запада» [6]. Умение писать обеими руками символически приравнивается к «двойной власти» - способности правителя равно владеть мечом и пером. Завершается легенда советом шейха воспитывать мальчика так, чтобы он читал Коран и владел оружием, что закрепляет характерную для узбекской культуры мысль: идеальный правитель должен соединять религиозное и светское воспитание. Структурно предание выстраивает типичную фольклорную логику: пророчество → символический знак → диалог наставников → неизбежное исполнение судьбы.

Умение писать обеими руками приобретает в народном сознании и более широкое символическое измерение: «двурукий человек» становится образом универсального властителя, наделённого исключительными дарованиями, не случайно предание сближает Тимура с выдающимися историческими фигурами, обладавшими подобной особенностью. Многоголосие сюжета (наблюдение матери, вопрос отца, разъяснение муллы, наставление шейха) усиливает эффект достоверности и включённости в ситуацию семейного диалога; каждая деталь несёт символическую нагрузку, а сам эпизод строится как «лаконичный миф», в котором вся будущая судьба героя концентрируется в нескольких кратких сценах. Такая структура повторяется в легендах о многих героях, от библейских царей до эпических богатырей, но в узбекской традиции она закрепляет устойчивый образ правителя, чья власть освящена и предсказана ещё до его рождения.

Другой сюжет из сборника Содикова – легенда «Йўлбарс билан юзма-юз» («Лицом к лицу с барсом»). Амир Тимур, переодевшись в бедняцкую одежду, отправляется паломником к гробнице Ахмада Яссави, чтобы услышать живую речь народа и узнать его нужды [6]. Мотив «тайного обхода» роднит легенду с восточной и мировой традицией – от Харун ар-Рашида в «Тысяче и одной ночи» до преданий о короле Артуре. Кульминацией становится сцена охоты: услышав от пастуха о тигре, тревожащем стада, Тимур сам выходит на зверя и поражает его копьём с возгласом «Аллаху акбар!». Победа над барсом превращается в символическое доказательство того, что правитель опирается и на собственное мастерство, и на Божью помощь, а поддержка народа умножает его силы. Таким образом, узбекская традиция - и письменная, и устная – трактует любые биографические детали как знаки избранности.

Русская традиция: внешняя модель восприятия

Иная модель складывается в древнерусской книжности, где фигура Тимура осмысливается с позиции внешнего наблюдателя и включается в систему религиозно-апокалиптических представлений. Её основой стала «Повесть о Темир Аксаке» (конец XIV – середина XV века), рассказывающая о походе Тимура на Русь в 1395 году [4]. Русь, уставшая от ордынского ига, воспринимала слухи о завоевателе как весть о «новом Батые» - угрозе в почти апокалиптической форме. Уже эпизод юности конструирует образ через мотив морального падения: молодой Тимур с голоду украл овцу, был схвачен и жестоко избит, ему перебили ногу; выздоровев, он «оковал себе железом ногу свою перебитую» - отсюда и прозвище Темир Аксак, «Железный Хромец» [4].

В древнерусском контексте этот эпизод выполняет функцию принижения. Если узбекские легенды наполняют юность Тимура пророчествами величия, то русская летопись начинает с «низкого» - кражи и позора. Хромота здесь не знак избранности (как ранение в бою в узбекской традиции), а клеймо разбойника. После эпизода юности «Повесть» переходит к

событиям 1395 года: победа Тимура над ханом Тохтамышем воспринимается как смена одной угрозы другой, ещё более грозной, а прямое сравнение с Батыем превращает завоевателя в фигуру апокалиптическую. Вместе с тем за страхом проступает и утешение: если Русь пережила Батыя, переживёт и Тимура. История превращается в богословский урок, где завоеватель – не самостоятельная сила, а орудие божественного промысла.

Кульминация «Повести» - чудо с Владимирской иконой. 15 августа 1395 года, в праздник Успения Богородицы, москвичи встречают икону молебным шествием, и Тимур неожиданно поворачивает войско обратно. Спасение города объясняется не военной силой, а заступничеством свыше [4]. Здесь образ Тимура окончательно лишается исторической субъектности: он пришёл не по своей воле (Бог попустил за грехи) и ушёл не по своей воле (Бог отвёл молитвой). Если в узбекской традиции Тимур – активный творец истории, то в русской «Повести» он фигура в чужой драме, где главные роли принадлежат Богу и Богородице.

«Повесть о Темир Аксаке» соединяет летописную документальность и поэтику легенды. В двух известных редакциях XV и XVI веков сохраняется хроникальная структура: описания походов, битв и дипломатических миссий выстроены линейно, без психологических отступлений, что сближает произведение с официальной летописью. Исследователи отмечают характерную простоту языка, преобладание глагольных конструкций («шёл», «брал», «строил»), формульные эпитеты («железный Тимур»), а также ритмичность повествования, создающую впечатление устного сказа [9]. Именно такая сухая, почти деловая манера придаёт тексту вид официального документа, где каждый поход трактуется как знак высшей справедливости. В XIV веке «Повесть» выполняла двойную функцию: сохраняла память о реальных событиях и одновременно формировала образ грозного завоевателя, несущего разрушение как проявление божественного возмездия.

Заложенная в «Повести» модель оказалась чрезвычайно живучей. Даже в середине XX века русская литература воспроизводила мотив «разбойничьего прошлого»: трилогия С. Бородина «Звёзды над Самаркандом» (1953–1971) открывается книгой «Хромой Тимур» с эпиграфом из Никоновской летописи, документально закрепляющим опору автора на средневековую традицию [7]. Узбекский исследователь З. Ж. Пардаева справедливо отмечает, что Бородин снижает историческую личность Тимура «с уровня искусного полководца, великого Сахибкирана до обычного разбойника» [11]. Так стереотип «разбойника», сформированный в XIV веке, сохранял устойчивость в русском культурном сознании вплоть до XX столетия, и лишь к концу XX – началу XXI века русская литература движется к более сбалансированной оценке.

Ключевое различие двух традиций коренится в культурной перспективе восприятия. Для узбекской традиции Тимур - «свой», органичная часть национальной идентичности; он не требует оправдания и предстаёт символом государственности, справедливости и культурного расцвета эпохи Тимуридов. Для русской традиции Тимур - «чужой», объект страха, осмысляемый через призму собственной безопасности; его поход становится испытанием веры, а спасение Москвы – религиозным чудом. Это различие наглядно проявляется в трактовке одних и тех же мотивов (табл. 1).

Таблица 1. Трактовка ключевых мотивов образа Амира Тимура в двух традициях

Мотив	Узбекская традиция	Русская традиция
Хромота	Знак избранности, символ мужества (ранение в бою)	Наказание за кражу, позорное клеймо
Юность	Пророчество величия, двурукость, знаки судьбы	Кража овцы, разбойничье прошлое
Власть	Справедливость, покровительство народу	Грозная сила, божественная кара
Отношение к народу	Переодевание для общения, забота о нуждах	Завоеватель, угроза

Один и тот же биографический факт – хромота – получает диаметрально противоположную трактовку: в узбекской традиции это знак мужества, в русской – клеймо разбойника. Различаются и функции образа. В узбекской культуре образ Тимура выполняет консолидирующую роль, объединяя народ вокруг идеи государственности и культурной преемственности; легенды о нём служат нравственным ориентиром. В русской культуре образ функционирует как испытание, способствующее осознанию народом собственной духовной силы: спасение от нашествия становится доказательством божественного покровительства Руси.

Различна и преемственность традиций. Узбекская традиция от Навои и устного эпоса заложила позитивный фундамент, сохраняющийся на протяжении всей истории литературы: образ остаётся героическим, меняются лишь акценты: от покровителя культуры к символу национального пробуждения, от государственного деятеля к духовному ориентиру. Русская же традиция закрепила негативный стереотип, устойчивость которого демонстрирует и Бородин в XX веке.

Выводы и предложения (Conclusion/Recommendations)

Уже на этапе устно-эпической и средневековой письменной традиции формируются две принципиально различные типологические модели художественной репрезентации образа Амира Тимура. В узбекской культуре преобладает внутренняя модель, в рамках которой Тимур осмысливается как избранный правитель, носитель созидательной миссии, символ государственности и культурного покровительства. В русской средневековой литературе складывается внешняя модель, основанная на мотивах угрозы, божественного испытания и религиозно-апокалиптического осмысления событий.

Эти расхождения носят не случайный, а системный характер: они отражают не столько разную историческую правду, сколько разные стратегии культурной памяти. Узбекская литература смотрит на Амира Тимура изнутри национального опыта, русская – извне, через призму собственной исторической судьбы. Именно эти исходные модели задают траекторию дальнейшей эволюции образа: позитивно устойчивую в узбекской традиции и постепенно эволюционирующую от негативной к более взвешенной интерпретации в русской литературе.

В качестве перспективы дальнейшего исследования представляется целесообразным проследить трансформацию обеих моделей в литературе XX–XXI веков: переосмысление

образа Тимура в джадидской поэзии и в прозе независимого Узбекистана, с одной стороны, и постепенное преодоление негативного стереотипа в русской литературе – с другой. Продуктивным направлением является и сопоставительное изучение образа Тимура в других национальных традициях, что позволит уточнить типологию внутренней и внешней перспектив художественной памяти.

Список использованной литературы (References)

1. Алишер Навоий. Мажолис ун-нафоис // Мукаммал асарлар тўплами: 20 жилдлик. - Тошкент: Фан, 1987-2003.
2. Алишер Навоий. Муҳокамат ул-луғатайн // Мукаммал асарлар тўплами: 20 жилдлик. - Тошкент: Фан, 1987–2003.
3. Алишер Навоий. Хамса // Мукаммал асарлар тўплами: 20 жилдлик. - Тошкент: Фан, 1991.
4. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); под ред. Д. С. Лихачёва и др. - СПб.: Наука, 1999. - Т. 6: XIV - середина XV века. - 583 с.
5. Полное собрание русских летописей. - Т. XI: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. - М.: Языки русской культуры, 2000.
6. Содиқов Ҳ. Амир Темур ҳаётидаги ғаройиботлар: Тарихий бадиалар. - Тошкент: ART FLEX, 2007. - 320 б.
7. Бородин С. П. Звёзды над Самаркандом: трилогия. Кн. 1: Хромой Тимур. - Ташкент: Узбекистан, 1981. - 320 с.
8. Бертельс Е. Э. Избранные труды. Навои и Джами. - М.: Наука, 1965. - 498 с.
9. Иванов П. П. Повесть о Темир Аксаке // Средневековые тексты Востока. - М.: Наука, 2008. - С. 40-56.
10. Комарова А. В. Хроникальные представления о Тимуридах. - СПб.: Восток-Пресс, 2015. - С. 102-115.
11. Пардаева З. Ж. Художественно-типологическая интерпретация исторических героев в русской и русскоязычной литературе Узбекистана: автореф. дис. … канд. филол. наук. - Ташкент, 1995. - 24 с.
12. Сирожиддинов Ш. Алишер Навоий: манбаларнинг қиёсий-типологик, текстологик таҳлили. - Тошкент: Akademnashr, 2011. - 272 б.
13. Ҳайитметов А. Алишер Навоийнинг адабий-танқидий қарашлари. - Тошкент: Фан, 1959. - 232 б.